

Екатерина Белевич

*Записки
Ангела
Смерти*

Екатерина Белевич
Записки Ангела Смерти

«Автор»

2026

Белевич Е.

Записки Ангела Смерти / Е. Белевич — «Автор», 2026

Ангел Смерти, вечный и бесстрастный свидетель финалов, встречает ту, кто видит его. Лиза, одинокая девушка, стоящая на краю отчаяния, бросает вызов его природе простым вопросом: «Зачем?». Так начинается их немислимая история. От балкона, где он удержал её от шага в бездну, до тихих бесед на кухне при свечах, их общение становится мостом между вечностью и мимолётностью человеческой жизни. Лиза, находя силы в творчестве, пишет книгу. Ангел, наблюдая за её борьбой со страхом и болезнью, впервые чувствует нечто, похожее на участие, жалость и боль. Эта история — не о смерти, а о свете, который можно найти на самом краю. О силе слов, строящих мосты через отчаяние. О хрупкой надежде и о том, как одна встреча может изменить даже того, кто думал, что ему уже не измениться. «Записки Ангела Смерти» — это грустный и светлый рассказ о том, что даже у последнего рассвета есть своя неповторимая красота.

© Белевич Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Встреча на круглой табуретке	5
Первая встреча	7
Фотографии	8
Книжные страницы с запахом вишни	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Екатерина Белевич

Записки Ангела Смерти

Встреча на круглой табуретке

Говорят, что уйти во сне на закате лет есть благо. Я не раз замечал, что души в этом случае спокойно принимают свой уход. В них нет удивления, разочарования, страха или злобы. Иное имеет исход куда более дерзкий — самоубийство. Что движет людьми в эти скорбные минуты? Много. Но насколько печально порой смотреть на растерянные, окутанные тревогой и досадой блёклые лица и прикладывать усилия, заталкивая их в арку. Лишь единицы уходят добровольно, и тем тягостнее кажется мне ситуация.

Ночь внушает сознанию людей немислимые вещи.

Стрелки на часах отсчитывали начало новых суток. Моя книжица медленно остывала в руках, а я шёл сквозь жилые дома и наблюдал за людьми. Многие не спали. Уткнувшись в телефоны и планшеты, они пребывали в одиночестве. Даже в окружении себе подобных. Как часто я стал это видеть. Прискорбно.

Не знаю, возможно, этот мир давно сравнялся с одиночеством. Раньше всё было иначе.

Ночь убаюкивала город. Свет в квартирах медленно исчезал и превращался в тишину. В одной из них меня остановил нежный запах. Знакомый, ускользающий аромат. Внутри никого не оказалось. Невысокий светильник в углу комнаты разбрасывал жёлтые блики по угрюмой мебели. Высокий стеллаж с книгами, письменный стол, пара кресел и диван. Последний явно служил спальным местом для жильца. Но было пусто.

Холодные брызги порывистого ветра колыхали занавески, обнажая открытую дверь на балкон. В городской ночи, на фоне стремящихся ввысь небоскрёбов, стояла девушка. Хрупкая, в белой шёлковой пижаме, она бесстрашно замерла на сквозняке. Под её ногами раскачивалась маленькая круглая табуретка. Я подошёл ближе. Смертью не пахло, и всё же тревога, вспыхнувшая внутри, застыла ледяным взрывом. «Она передумает. Её нет в нашем списке», — робко успокаивал я себя. Во мне бушевал неведомый ранее страх, заставляя застыть на месте. Я смотрел на стройные длинные ноги, на прямую спину. Каштановые пряди плясали на ветру, разнося по воздуху столь приятный для меня аромат.

Время превратилось в западню. Девушка нерешительно опустила голову и посмотрела вниз. Резкий морозный воздух заставил шатенку поёжиться от холода, но не сойти с табуретки. Я приблизился. С очередным порывом ветра левая нога незнакомки приподнялась, и я дёрнулся вперёд, будто имел возможность остановить её.

— Не стоит этого делать, — чуждым хрипом вырвалось из моей груди.

Девушка вцепилась руками в перила и обернулась. Карие с янтарными бликами глаза испуганно смотрели на меня.

— Кто вы? — девушка сошла с табуретки на безопасное от меня расстояние. — Как вы сюда попали?

Я растерялся. В её взгляде отчётливо читалось: она видит. Меня — бесформенную субстанцию, живущую на краю смерти. То, чего просто не могло быть.

Ветер перебирал пряди её волос. Она дрожала, но не от испуга, а от холода.

— Вам стоит зайти в квартиру, а то заболите, — предложил я, отбросив мысль о невозможном.

По лицу девушки скользнула горькая усмешка. Она обняла себя руками, но с места не сдвинулась. Облако недоумения повисло над нами, тяжелея от сырости ночи. Немисливо.

— Кто вы? — вопрос решительно пронзил тишину. Её глаза смотрели на меня, а я тщетно пытался подобрать ответ. Я хотел её успокоить.

— Это необъяснимо, но я не причиню вам вреда, — выдохнул я, страшась своих слов. — Я... удалюсь, как только вы зайдёте... Здесь холодно.

Я отступил назад, пряча руки в карманы. Девушка обернулась, устремляя взор в пустоту ночи. Выдохнув, она сделала шаг в мою сторону. Я отпрянул вглубь комнаты, пропуская её.

Пройдя мимо меня, незнакомка схватила с кресла тёплый спортивный костюм и начала быстро одеваться. Я ощутил спокойствие. В тусклом свете лампы она казалась миниатюрной, уязвимой. Я стоял и понимал, что не знаю, как следует поступить. У меня не было опыта общения с людьми. Чёрная книжица нагрелась в моих руках, и мне пришлось уйти.

Первая встреча

Инцидент, произошедший той ночью, будоражил мои мысли. В памяти всплыл другой эпизод: мы уже встречались. Это волновало. Наша первая встреча произошла на рассвете. В парке. Я всегда любил это время суток за особую, природную тишину, которая постепенно растворялась в звуках нового дня. Со скамьи, что стояла под сводом пахучей весенней зелени, было прекрасно видно, как первые лучи солнца пробивают ночное небо. Парк пустовал. Звуки спящего города лишь изредка нарушали это умиротворение. Я наслаждался редкими минутами покоя.

Пятно ослепительно золотого цвета всё сильнее просачивалось сквозь тонкие стволы деревьев, расплываясь светлыми бликами по земле и тая в белой дымке утреннего тумана. Мрачный небосвод постепенно светлел, раскрываясь красками нового дня. Чёрная книжица в моей руке привычно нагрелась, предупреждая об очередных ушедших. «Для кого-то этот рассвет станет последним», — мелькнуло в голове. Без сожаления, привычно.

Я глубоко вздохнул. Холодный влажный воздух приятно зашекотал внутри.

— Это прекрасно! — пронеслось над ухом с лёгким веянием прохлады. Я повернул голову в надежде увидеть душу, но ошибся.

На лавочке рядом со мной сидела хорошенькая молодая женщина. Она была одета не по погоде легко. Белая рубашка под распахнутым плащом выигрышно подчёркивала светло-каштановый цвет волос и чуть заметный розовый румянец. По всем признакам душой она не была. Неожиданно.

— Знаете, я никогда не встречала рассвет. Даже в школе не ходила, — нервно выдохнула незнакомка.

Наверное, мне стоило удивиться тому, что за сотни веков моего существования меня увидел человек, но мысль об этом растаяла, как только я взглянул в её глаза. Янтарные искорки восторга, укутанные в смятение и восхищение, манили своей нежностью, и только проблески печали в открытом взгляде настораживали.

— Извините, не в моих привычках заводить разговоры с незнакомцами, — она смущённо улыбнулась. — Вы часто здесь бываете? Я имею в виду... — она указала на рассвет и, прячась от смущения, закуталась в плащ.

— Я люблю это место и рассвет, — сообщил я, понимая всю абсурдность ситуации.

«Вестник душ» в моей руке стал болезненно горячим, будто хотел напомнить о моём месте в этом мире. Мне же впервые захотелось об этом забыть.

Режущий слух скрежет и удар привлекли наше внимание. В ограду парка врезалась машина. Моя соседка ахнула и бросилась к месту аварии. Чёрная книжица требовала сделать то же самое. Там стояли трое: взволнованная шатенка и две новоиспечённые души. Блёклые, в голубовато-серой дымке, с ещё различимыми чертами лица — «ушедшие». Они растерянно смотрели на свои тела в искорёженном металле, на девушку, которая суежилась вокруг их железного гроба, и тихо плакали.

Я редко что-либо говорил в такие моменты: нелепая смерть не требовала объяснений и не вызывала интереса. Привычный жест рукой, и «Вестник» раскрыл свои объятия для новых предрешённых. Вспышка — и у машины нас осталось двое. Теперь шатенка меня уже не видела.

Фотографии

Сегодня я пришёл раньше. Смерть неспешно расправляла свою паутину над мирно спящей женщиной. Кислый морозный запах растекался по комнате. Лунный свет двумя дорожками бежал по стене, увешанной фотографиями. Было тихо.

Фотографии — это то немногое, что нравилось мне в жизни людей. Я подошёл ближе. Очень много детских лиц. Мальчишки и девчонки в аккуратной школьной одежде смотрели на меня со старых, выцветших кадров. Круглолицая улыбающаяся женщина в строгом чёрном платье, с высоким пучком пшеничных волос, была на каждом снимке. Забавно: время не щадило приятное, на первый взгляд, лицо, но оказалось благосклонно к неживому куску ткани.

В комнате царило одиночество, скромное и сдержанное. На столе стояла ваза с увядающей сиренью. На комод — другие фото: взрослые мужчины и женщины, счастливые и улыбочивые. Эти кадры дышали любовью, и я замер, глядя на них. Фотография — странная человеческая магия. Она хранит тепло там, где я оставляю лишь пустоту. Она дарует жизнь после смерти. Я столько веков наблюдаю за людьми. Многие в них отталкивают, но иногда, вот так, они вызывают тихое, незнакомое мне уважение.

Щелчок в часовом механизме сообщил, что наступила полночь. Похолодало. Смерть исчезла, завершив работу. Белая тень с призрачными чертами медленно плыла по комнате. Душа женщины замерла у стены с фотографиями. «Вестник» в моей руке стал горячим.

— Вам пора, — сказал я, раскрывая врата. — Пора.

Женщина улыбнулась. Это был редкий дар — знание о правильно прожитой жизни.

— Пора! — Я открыл арку. Комната наполнилась ослепительным светом. Душа растворилась в нём.

Я уже собирался уйти, но одна фотография привлекла моё внимание. Девочка лет двенадцати с рыжими кудряшками. И знакомые карие глаза с искорками солнца. Я замер. «Она. Незнакомка с балкона». Совпадение? Возможно. Но мир, лишённый случайностей, был бы слишком скучен даже для вечности. Я выскользнул на улицу. Город спал.

Книжные страницы с запахом вишни

Поддавшись порыву ветра, я поднялся и застыл напротив балкона, где некогда, вопреки всем законам Вселенной, остановил человеческую глупость. Приблизился. В комнате пахло чем-то сладким. Приглушённый свет лампы выхватывал из мрака детали одинокой квартиры. На диване, с головой укрывшись синим пледом, спала моя незнакомка. Каштановые пряди небрежно лежали на подушке, выдавая свою владелицу. Её мягкое, размеренное дыхание смешивалось с неподвижным ночным воздухом.

Я сел в кресло напротив и на время закрыл глаза. Ощущение забытой безмятежности. Так странно. На улице пошёл дождь, сильный, напористый. Комната наполнилась внешними звуками. Я улыбнулся, прогоняя остатки внутреннего тишины.

Книги. Здесь их было в избытке: на многоярусных полках, в ровных стопках на полу и комод. Несколько томов лежало и передо мной на столе. Поддавшись любопытству, я вытянул один из общей кучи и открыл на первой странице.

«Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену. Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалёку живущих семейств...» — устало пронеслось в голове. Глаза скользили по ровным строкам, погружая в таинство повествования. Бессмысленное чтение. Я сидел в кресле, книга в руках казалась невесомой, а слова на страницах — лишь далёким шумом.

Всё моё внимание было поглощено спящей девушкой. Я смотрел, как поднимается и опускается складка покрывала в такт её дыханию, как тень от ресниц лежит на щеках. И задавался одним вопросом: зачем? Что меня сюда привело? Любопытство?! Возможно. Сотни лет безмолвия были нарушены насмешкой Вселенной, которая вдребезги разнесла привычное.

Она пошевелилась снова, и на этот раз её глаза медленно открылись. Сначала взгляд был мутным, несфокусированным, он блуждал по комнате. Потом скользнул в мою сторону, остановился — и резко прояснился. Она не вскрикнула. Не схватилась за телефон. Лишь приподнялась на локте, откинула волосы со лба и уставилась на меня.

— Опять вы, — сказала она хриплым от сна голосом. В нём не было страха. Была усталая констатация факта, словно я — назойливый кот, забравшийся в квартиру.

— Да, — ответил я, и мой собственный голос прозвучал непривычно громко. — Я... не ушёл.

Она села, подтянув плед к подбородку. Её карие глаза — те самые, с золотыми вкраплениями, которые я помнил по рассвету в парке, — изучали меня. Не как угрозу, а как неразрешимую загадку.

— Вы вор? — спросила она наконец. — Только очень странный вор. Сначала бросили меня одну в парке у разбитой машины, потом отговорили от прыжка...

Я вздрогнул. Она помнила парк. Мы смотрели вместе на рассвет, но запомнила она не это.

— Я не намеренно вас тогда оставил, — сказал я и тут же пожалел. Любопытство в её глазах вспыхнуло ярче.

— Нет? А что тогда?

Я молчал. Корешок «Вестника» в моём кармане был холоден. Разум молчал тоже.

— Ладно, — она махнула рукой, словно отгоняя ненужные мысли. Её плечи обмякли. — Берите, что хотите. Драгоценностей нет. Ноутбук на столе, ему года три. Книги... они, наверное, ничего не стоят.

Она обвела взглядом бумажных проводников в затерянные и далёкие миры и тихо вздохнула. Её откровенность была лезвием. Она не пыталась защитить свои вещи, потому что не ценила жизнь, которой они принадлежали. Это была не храбрость, а глубокая, всепоглощающая апатия, и от неё стало холодно даже мне.

— Я не вор, — вымолвил я, выживая каждое слово из оцепенения, — и я пришёл не за вещами.

— Тогда зачем? — её вопрос повис в воздухе, смешавшись с шумом дождя за окном.

Я слушал, как капли барабанят по стеклу, и не знал, что ответить. Для меня это было большей загадкой, чем для неё.

— Ты хотела умереть той ночью, — сказал я вместо объяснения. Не «вы», а «ты». Слово выскользнуло само.

Она не смутилась. Кивнула, уткнувшись подбородком в колени.

— Да. А теперь вот не решаюсь. Смешно, правда? Стою, мёрзну, а шаг сделать не могу. Даже это у меня не получается.

— Почему? — вопрос, который меня никогда не интересовал, стал пронзительно важным.

Она надолго замолчала. Потом подняла на меня взгляд, и в нём не было слёз, лишь пустота, страшнее любого отчаяния.

— Рак, — тихо сказала она. — Точнее, страх перед ним. Перед болью, беспомощностью, тем, как ты медленно перестаёшь быть человеком, превращаясь в перечень симптомов. У моей мамы... — на мгновение она замерла, сглатывая подступивший к горлу ком. — Она угасала три года. Я видела всё. А теперь... тень на снимке. Ещё не приговор, но уже не жизнь. Это как сидеть на той табуретке и ждать, когда ветер станет сильнее. Я решила не ждать.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом дождя. Её слова, такие простые и такие страшные, зависли между нами. И я, Ангел Смерти, видевший окончания всех времён, не находил слов. «Утешать» — нет такого в моём словаре. «Обещать, что будет не больно» — значило бы солгать. Я воплощал собой завершение, а не утешение.

— Я видел твою учительницу, — вдруг сказал я, и сам удивился этому повороту.

Её глаза расширились.

— В ночь, когда пришёл к тебе на балкон. Она уходила. Спокойно. С улыбкой. Она смотрела на фотографии учеников... На одной я видел тебя — такая маленькая, с рыжими кудряшками.

Девушка замерла. Потом её губы задрожали.

— Анна Викторовна? Она... умерла?

— Да. Её душа была светлой. Она не боялась.

Слёзы, которых не было раньше, наконец выступили на глазах. Она не рыдала — они просто текли по щекам, тихо и покорно.

— Она... она всем нам была как вторая мама.

— Она прожила жизнь, находя смысл в других, — сказал я, и слова показались мне неуклюжими, но искренними. — В этом есть сила.

— А в чём смысл моей? — прошептала собеседница. — В страхе перед болезнью? В ожидании?

— Я не знаю, — глухо произнёс я. — Я вижу только финал. Начало и середина... они вам, живым, виднее, — я сделал паузу. — Но та ночь на балконе... твой конец ещё не написан. И рассвет в парке... ты сказала, он прекрасен. Разве тот, кто действительно хочет уйти, способен это увидеть?

Она смотрела на меня, а я чувствовал, как «Вестник» в кармане начинает излучать лёгкое, настойчивое тепло. Где-то звал очередной уходящий. Моё время здесь истекло. Пора было растворяться в ночи, возвращаться в привычную колею безмолвного наблюдателя.

Я поднялся с кресла. Она вздрогнула, инстинктивно потянулась вперёд, будто хотела остановить.

— Вы... вы уходите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.